

Научная статья

УДК 37.013.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44

WEB-ТЕЛО: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-МИКРОФОРМАТАХ

Артур Александрович Дыдров¹, Александра Сергеевна Варламова²

¹Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zenonstoik@mail.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, varlamova.aleksandra02@mail.ru

Аннотация. Объектом статьи являются микроформаты (преимущественно мемы и short stories), потребляемые современным человеком как популярный сетевой контент. В фокусе внимания находятся способы и характерные черты репрезентации тела в мемах и short stories, подробно рассматриваются конкретные кейсы. Общеизвестно, что обозначенный контент систематически используется для кратких «высказываний» и в том числе в автопрезентационном плане. Основываясь на данных аналитики микроформатов, авторы зафиксировали некоторые тренды, непосредственно касающиеся практик репрезентации тела. Эти тренды ещё нуждаются в уточнении и дополнении, однако их первичное выявление позволит внести вклад в концептуальную матрицу digital studies.

Ключевые слова: интернет, мем, микроформат, short stories, микронарратив, тело, репрезентация

Финансирование. Работа выполнена при поддержке российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Дыдров А. А., Варламова А. С. Web-тело: репрезентации телесности в интернет-микроформатах // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 38–44. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44.

Original article

WEB-BODY: REPRESENTATIONS OF CORPORITY IN MICROFORMATS OF INTERNET

Artur A. Dydrov¹, Alexandra S. Varlamova²

¹South-Ural State University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zenonstoik@mail.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, varlamova.aleksandra02@mail.ru

Abstract. The object of the article is microformats (mainly memes and short stories), consumed by modern people as popular network content. The focus is on the methods and characteristic features of body representation in memes and short stories, and specific cases are examined in detail. It is well known that the designated content is systematically used for short “statements” and, among other things, in auto-presentation terms. Based on microformat analytics data, the authors have documented some trends directly related to body representation practices. These trends still need clarification and addition, but their initial identification will make it possible to contribute to the conceptual matrix of digital studies.

Keywords: Internet, meme, microformat, short stories, micronarrative, body, representation

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Scientific Fund, the competition “Conducting fundamental scientific research and search research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011 “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

For citation: Dydrov AA, Varlamova AS. Web-body: representations of corpority in microformats of internet. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):38-44. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44.

Введение

Технологические тренды Индустрии 4.0 существенно влияют на все социальные сферы, общественные отношения и, в конечном счёте, жизненный уклад каждого конкретного человека. Без этого аксиоматического положения сегодня де-факто не обходится ни одна публикация социально-гуманитарного толка, посвящённая актуальным технологическим тенденциям. Между тем оно одновременно и «очевидно», и непонятно, требует дескрипции и аналитической развёртки. В частности, обобщённая маркировка вызывает вопросы о конкретных тенденциях и трансформациях, характере влияния, действительных и потенциальных бенефитах и рисках. Современное социально-гуманитарное исследование, ориентированное на поиск соответствующих решений, как будто априори обречено на партикуляризм, задаваемый предметом изучения, оригинальным сочетанием общенаучных методов со специальным(и), многоступенчатой выборкой эмпирики и частными, вечно «промежуточными» резюме. Историки и философы науки, разумеется, могут объяснить сложившееся положение вещей эволюцией научного знания и трансформацией социальной роли науки — в первую очередь, совершившимся переходом в «постнеклассическую» стадию, кризисом объясняющих дискурсов и «великих нарративов», прагматизацией знания, ориентацией на прикладные исследования и т. д. Однако все обозначенные тенденции и трансформации уже в течение нескольких десятилетий связаны с (и в определённом смысле обусловлены) интернетизацией профессиональных интернет-серверов и повседневных практик человека.

Социальные функции web-технологий зафиксированы с некоторыми различиями в тысячах научных публикаций. В производстве научного знания — на всех стадиях и во всех составляющих процессах — произошли значительные перемены. Web выполняет не только функционал архива оцифрованных источников, но в буквальном смысле является ресурсом, полностью обеспечивающим научное продуцирование — от замысла до заключительного этапа реализации. В западной источниковедческой науке в сравнительно недавнем прошлом возник концепт *born-digital (re)sources* (заключительный маркер варьируется от исследования к исследованию), фиксирующий обстоятельства возникновения того или иного

источника/документа и его субстрат (бинарный код). По аналогии с этим концептом возможно говорить и о *born-digital researches (studies)*, предварительно определяя последние как исследовательскую работу, научное изыскание в совокупности всех составляющих процедур (определение объекта и предмета, поиск теоретических оснований, выбор методов и приёмов, фиксация степени разработанности проблемы и т. д.), предполагающие взаимодействие «учёный / сообщество — интернет» и не выходящие за рамки интернет-контента и технологических механизмов web. Проще говоря, *born-digital research* полностью осуществляется на мощностях сети и программно-аппаратного комплекса. Подобного рода исследования проводятся уже не один десяток лет. На Западе и в некоторых странах Азии цифровой научный бэкграунд имеет в границах отдельных областей более солидный вес, нежели в России. С калибровкой на программном обеспечении, его интерфейсе и функционале, говорят о формировании «софт-культуры» [5] и, соответственно, софт-исследованиях. В плане объёма обсервер изучает цифровой контент с ничтожно малым удельным весом. Современное социально-гуманитарное исследование дрейфует от одной крайности к другой, уходя в специализированные частности (составление тепловых карт пользовательской активности, аналитика поисковых запросов и т. д.) или пренебрегая «ползучим» эмпиризмом и оперируя отвлечёнными от реалий концептами. Сочленение крайних позиций предполагает соответствующую исследовательскую стратегию, отдалённо напоминающую идею введения в бэконовское «Великое восстановление наук», — тщательный отбор и концептуальное обрамление эмпирики.

Спецификация спектра и функционирования *born-digital sources* существенно затрудняет реализацию такого стратегического замысла. Дело в том, что целые кластеры «рождённых цифровыми» источников стремительно возникают на исследовательском горизонте и так же стремительно исчезают из поля зрения. Речь идёт о микроформатах — условной категории *born-digital*, маркируемой по объёму. В условиях расширения накопителей до Tbyte-величин, увеличения памяти мобильных устройств до сотен гигабайт целый спектр *born-digital* фактически является микрообъёмным: «гифки», мемы (картинки и видео),

shorts, цифровые фото, треки и некоторые другие. Не вдаваясь в методологические трудности, следует отметить, что специфика микроформатов задаётся не только малым объёмом и, следовательно, технически быстрыми воспроизведением и передачей по каналу трансляции, но и интенсивностью их сетевой циркуляции. Последняя предполагает стремительное появление и столь же стремительное исчезновение, затруднённый поиск при повторном обращении к источнику, короткий срок действия ссылок. При этом стоит обозначить одно важное методологическое замечание: не следует полагать, что интенсивная циркуляция контента и короткий срок его «жизни» пропорциональны ценности/незначимости. Для историков быта римские надгробные надписи эпохи империи не менее значимы, чем труды Светония Транквилла.

Методология

В условиях цифровизации, то есть увеличения удельного веса дигитального контента и технологий во всех сферах жизни (включая науку), микроформаты приобретают различные статусы, традиционно принадлежавшие иным феноменам, — статусы объекта и предмета исследования, источника и данных. Основываясь на мемах, gif-файлах, short stories, тегах, можно фиксировать специфику ситуации современности. В частности, обозначенные форматы в качестве репрезентантов воспроизводят «микроистории» и интенсивно меняющиеся образы тела и телесности. Сложившееся положение вещей стыкуется с постмодернистским концептом множества тел [1. С. 71]. Бартовский дискурс близко подошёл к новому концепту, но по причине специфики прошлого технологического интерьера не мог предвидеть то, что стало мейнстримом через десятки лет — проецируемое тело. На первый взгляд, новые медиа не произвели в плане репрезентации тела никакой революции — телевидение ещё в первой половине прошлого столетия транслировало бесчисленные образы тел. Однако в цифровой среде — и это совершенно азбучные вещи — проекция тела (равно и интерьера) имеет пиксельный субстрат, состоит буквально из атомов растровой графики. Невидимый глазу переход задаётся элементарной «техномагией» (разумеется, мы используем это слово с иронией) — от растровой клетки к строкам и столбцам (условные понятия, фиксирующие базовые пиксельные структуры), от строк и столбцов — к picture как цифровой картине. От связей, интен-

сивности и расстояний растровых элементов зависит восприятие целого. Каждый из нас сталкивался с изображением, продуцирующим эффект «зернистости». Этот эффект существенно отличается от зернистости фотографии — последний непосредственно связан с физической деформацией материала. Структуризация и специфика связей цифровой проекции допускает целый спектр процедур, применяемых не только профессионалами, обладающими специальным знанием, но и обывателями, незнакомыми с электронным «микромиром». В социальном плане существенное различие проекций задаётся доместикацией ряда операций. Для подтверждения этого тезиса стоит вспомнить, например, о перечне базовых операций с цифровым фото на мобильных устройствах — автообработка, обрезка, эффекты (десяток цветовых и масса тех, что доступны на специальных условиях), уровни (выдержка, яркость, контраст, насыщенность, красочность, теплота, оттенок, постеризация, зернистость, резкость, виньетка и др.), вставка текстового слоя, мозаика и некоторые другие. К этому добавляется обработка изображения на мощностях AI. Фактически все доступные техноэффекты отпечатываются на цифровых проекциях и обеспечивают в разных сочетаниях и с различными интенсивностями бесчётные вариации пиксельных тел. При этом мы не касаемся здесь семиотического ракурса и референций — поз, жестов, мимики и т. д.

Семиотический план, то есть собственно план репрезентации и значений, существенно усложняет исследование цифрового тела, превращая любые тотализирующие пропозиции в условные и недостаточные. Сомнительны попытки классификаций цифровых тел и, в частности, выбор того или иного критерия. В фокусе нашего внимания находятся интернет-микроформаты, однако классификация репрезентаций тела в соответствии с ними полностью игнорирует план содержания и концентрируется на социально-технологической форме. В действительности выделенные классы будут иметь пересечения и сочленения, некие «зоны неразличимости» [3], пусть и не в постструктуралистском варианте. Эти «зоны» возникают потому, что микроформаты сами не имеют чётких демаркаций. Проще говоря, мем — это и статичная картинка, и gif, и фрагмент аудиовизуального произведения. У этой «единицы», согласно историческому определению, нет технологически заданных границ. Темпоральные характеристики мема также

условны и ситуативны. Некоторые исследователи акцентируют внимание на дискуссии о существовании мемов, по крайней мере, в биологизаторской интерпретации Р. Докинза. Так или иначе, research-тактика в разговоре о мемах стандартная и связана с перечислением [7]. Зачастую учёные сразу же переходят к исследованию группы мемов, собранной по референту, например, популярным художественным образам [10. Р. 47]. Частный случай с мемами показывает, что работа с интернет-форматами не является лёгким делом, а сами форматы не могут быть сведены к некоторой совокупности технических характеристик или репрезентативных моделей. Как и в отношении к другим предметам исследования, мы всегда принимаем нечто в качестве данности и делаем это для собственного удобства. Обобщая данные о мем-ресерчинге, сошлёмся как на общеизвестные простоту и наглядность мема, на сочетание текстуального и визуального планов, так и на «высокую компактность значений» (high compactness to the meanings) и, разумеется, социальную и культурную детерминированность [9].

Результаты и обсуждение

Квазивирусная природа микроформатов, как уже было сказано, детерминирует интенсивную циркуляцию контента, сравнительно краткий жизненный цикл (хотя есть и исключения), лёгкий доступ и распространение практики «сделай сам» (т. н. DIY). Последнее обстоятельство непосредственно приводит к мейнстримовой генерации контента, не контролируемой никакими государственными или частными инстанциями. Неконтролируемость, в свою очередь, обусловлена не только ограничением технологических возможностей правоохранных структур, но и спорадическим появлением/исчезновением самого контента. Практика «сделай сам» приводит к неожиданным кросс-культурным комбинациям, идейно связанным с ситуацией постмодерна. Результаты комбинаторики не могут не вызывать смешанных оценок: они абсурдны, смешны, отвратительны и — самое главное — беспрецедентны. Идеологические последствия неожиданных комбинаций не вполне ясны и нуждаются в социально-гуманитарной рефлексии, потому как зачастую влияют на историческую память и внутри(меж)поколенческую трансляцию исторического опыта, на ценности и убеждения потенциального адресата. Базирующиеся на технологически корректных алгоритмах и достаточных мощностях, микроформатные комбинации созда-

ют нетривиальный и спорный контент. В нём причудливо смешиваются исторические артефакты и маркеры современности, политика и поп-культура, интеллектуализм и профанация, правда и фейк. Технологически границы между семантически противоречащими друг другу областями могут быть стёрты до неразличимости, что порождает эффект «естественности» («так и было»). Предлагаем читателям посмотреть несколько изображений, представленных на просторах интернета по ссылкам ([сталин сердечко https://www.meme-arsenal.com/](https://www.meme-arsenal.com/); [#stalin bunny, или #сталин зайка https://www.meme-arsenal.com/](https://www.meme-arsenal.com/); <https://daily.afi.sha.ru/>; <https://www.drive2.ru/>). Мы почти уверены, что потребитель, не специализирующийся на графике и дизайне, а также слабо представляющий себе «запечатлённую» личность, легко поверит в историчность фото. Технологические возможности графики обеспечивают не только эффективность «взлома» прошлого, но и «хисторимейкинг», связанного с уже существующей практикой создания «альтернативной истории».

Материалом для DIY-практик является, актуально или потенциально, любой контент, от исторических фото и текстов, репродукций классического искусства до актуальных новостей, видео, графики и собственно самого микроформатного контента. Экспериментируя с репрезентациями тела, народные (ре)комбинаторы создают новые web-артефакты, неочевидно влияющие на актуальную культуру. Эклектика значений — визуальное и текстуальное совмещение семантически противоположных/противоречивых маркеров — выражает принципиально новые смыслы. Чтобы читать эти смыслы и видеть их условность — образно говоря, «шестерёнки», — необходимо иметь культурный бэкграунд. Мем, как и любой другой воспроизводящий и продуцирующий/искажающий историю микроформат, имеет предел эффективности трансляции, прямо пропорциональный осведомлённости адресатов, — эта тривиальная мысль подтверждается многочисленными статистическими данными и интервью. В качестве наглядного примера приведём видеоблог [@vekshito](#), преимущественно специализирующийся на интервьюировании студентов и школьников. Многие участники интервью (возраст варьируется от 16 до 25 лет) в принципе не представляют, кто такой Сталин и, разумеется, не смогут внятно объяснить, почему бы этому «непонятному Сталину» не сфотографироваться в оригинальной пижаме.

Вирусная природа микроформатного контента, не в последнюю очередь связанная с его пластичностью, разумеется, затрудняет реализацию исследовательских задач и вынуждает ограничиваться партикулярными целями. При этом микроформатный контент чутко реагирует на тектонические, глубинные социальные и культурные сдвиги, незамедлительно отвечает веяниям времени и, конечно, сам порождает тренды. Представляется возможным предварительно обозначить общие тренды с перспективой дальнейших концептуальных уточнений и дополнений.

Первый тренд, на котором мы акцентировали внимание, — *конструирование образа тела способами модификации исторических источников*. В соответствии с ситуативными запросами индивида, социальных групп, государственной/партийной политики и т. д. меняются конкретные обстоятельства и механика конструирования. Однако, в сущности, этот способ коннотации исторически возник не вчера. В «Фотографическом сообщении» Р. Барта фигурирует кейс об американском юристе и конгрессмене М. Э. Тайдинге, обвинённом в симпатии к коммунистам [2]. Инфотехнологии, скрещённые с DIY-практиками, гипертрофировали данный тренд: миллионы бриколеров, используя подручные цифровые проекции и инструменты, могут синтезировать, согласно заглавию популярной книги С. Джеффриса, «все, всегда, везде» [4]. Если «бартовский» монтаж представлял собой сложную технику, используемую для определённых и не всегда законных целей, то современные электронные бриколажи зачастую не ориентированы не на что иное, кроме развлечения публики или небольшой целевой аудитории (например, философская мем-«заумь»). Образно говоря, они не решают чьих-то судеб, не ставят крест на карьере и не дают счастливые билеты. Политическая тематика микроформатов также не имеет существенной значимости для реальных перспектив референта.

Второй тренд, обслуживаемый технологическими возможностями микроформатов, ориентирован на аутопрезентацию. С ним мы сталкиваемся всякий раз, когда листаем short stories, смотрим TikTok, паблики интернет-персон, видео на «Дзене» и т. д. Синтез трек-сопровождения, как правило, заимствуемого у профессиональных исполнителей, съёмки камерой с обширным динамическим диапазоном, детализацией и быстрым автофокусом, секундного хронометража, tweet-титров значительно оттеняет сюжетную составляющую. На протяжении 10 секунд до-

статочно просто «показаться», сделать движение бровью, моргнуть, улыбнуться, прикусить губу, округлить глаза и т. д. Внутри short-видео разворачиваются свои «тренды» (собственно, термин сохраняется), связанные с позами, жестами и движениями.

Предлагаем читателям по ссылке <https://dzen.ru/video/watch/6521188c5fe03925989ac4f1> 10-секундное видео, демонстрирующее фигуру милой полной девушки в простой одежде, сопровождается отвратительными, унижающими человеческое достоинство титрами. Сюжет конституируется сменой образов: на следующих кадрах девушка одета «по моде», на её лице улыбка и она изящно движется, демонстрируя аксессуары. Как уже было сказано, смена образов укладывается в 10 секунд — это время оптимально для расфокусированного (рассеянного) внимания. Десятисекундные видеоролики можно уподобить цифровым «семечкам», которые человек способен бездумно употреблять и переваривать.

Когда мы говорим о сюжетах микроформатов, то, разумеется, используем это понятие с долей условности. Корректнее говорить о смене нескольких сцен или об одной-единственной сцене. В течение тринадцати секунд девушка с никнеймом Kareglazka завязывает волосы в пучок, улыбается и непрофессионально движется под ритмичную мелодию. Титульные показатели ролика — 1,2К просмотров (не считается достижением у топовых клиперов) и 40 комментариев (аналогично). Примечательно, что в комментариях, интегрированных с любым микро- и макроформатным контентом, выражается спектр отношений, от восхищения и благодарности за хорошее настроение до троллинга и ссылок на советскую киноклассику («Афоня»). Последнее обстоятельство указывает на то, что микроформаты потребляют не только тинейджеры. Собственно, верифицируемые комментарии подтверждают этот тривиальный факт. В комментариях нередко возникает разногласие всевозможных мнений, от нерелевантного восхищения до практик хейта, формируются мейнстримовые и титульные позиции, стихийные «сообщества» без фактического единства.

Третий тренд связан с увеличением удельного веса микронарративов, то есть кратких рассказов о повседневности. Предметы этих микро-рассказов откалиброваны в соответствии с низким уровнем притязаний современных нарраторов. Зачастую даже устоявшийся термин «микронарратив» [6] выглядит как фиксирующий

неоправданно великий масштаб в сравнении с микроформатами типа *short stories*. Вечный вопрос о яйце и курице, приложенный к иным обстоятельствам, — технологические возможности предопределяют популяризацию микронарративов или микронарративы детерминируют технотренды, — предлагаем оставить за скобками. В микроформатах часто в принципе не разворачивается никакой истории — многие *short's* ровным счётом не хотят сказать ничего. Они показывают, демонстрируют, но не рассказывают. Движение бровью или плечом в секундном клипе не входит в арсенал классических женских уловок и перечень маркеров флирта а-ля «Джессика Рэббит». На первый взгляд, тренд на повседневность не является новым — не его ли демонстрировали телевизионные ток-шоу или знаменитая антиутопия «Шоу Трумана»? Однако, как бы ни спорно это выглядело, ток-шоу выражали определённую идею, сомнительную с позиций «высокой» культуры, но собирающую фрагменты в целое, в сериал. Труман, не зная этого, обслуживает замысел авторитарного режиссёра — зрителям нужен обыкновенный, ничем не примечательный человек со своими маленькими горестями, страданиями, радостями, поскольку он соразмерен и понятен им. Ради удовлетворения потребности в зрелище планомерно осуществляется постановка. Микроформатные «истории» возникают спонтанно — это не общее правило, но определённно мейнстрим. Потому технологически *short stories* реализуются не профессиональными камерами и стационарными компьютерами, а функционально эволюционирующими мобильными телефонами.

Заключение

Микроформатный контент вполне может стать и уже становится — мы не можем прогнозировать иное — объектом культурологических и се-

миотических исследований, выражающим психологию поколений и способы жизнедеятельности, оперирующим новыми знаковыми комплексами, предполагающим особые коммуникативные практики и т. д. Общеизвестен, например, опыт с сетью «Twitter» (запрещена в РФ), ограничивающий размерность сообщений 140 знаками, включая ссылки на блоги, веб-страницы, изображения и видео [8]. Идеологическая подоплёка лаконизма *tweet'ов* также известна: выражаться конкретнее и точнее, а не множить знаки без необходимости. Краткость сообщений делает их привлекательным объектом аналитики. Впрочем, исследователи социально-гуманитарного толка не заставили себя долго ждать: ещё в 2015 г. были опубликованы результаты анализа данных за календарный год (2013–2014 гг.). С помощью доступного программного инструмента учёные получили временные метки генерации, идентификаторы, содержимое «твитов», идентификаторы пользователей, координаты местоположения и т. д. Данные позволили судить о региональной активности публикаторов и распределить страны по местам сообразно интенсивности размещения «твитов», определить лидеров среди технических устройств, используемых для публикаций, зафиксировать языковое многообразие и языковые тренды, статистику популярности.

Уже этих данных достаточно для серьёзных маркетинговых и социологических выводов. Разумеется, аналитика *big data* в значительной степени не позволяет работать с семантикой сообщений, собственно с их смыслом и посылом. Между тем понятно, что микроформаты чутко реагируют на масштабные события и тем самым могут быть полезны для определения настроений эпохи, особенностей мышления человека, специфики культуры, дескрипции конкретных событий и т. д.

Список источников

1. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М. : Ad Marginem, Сталкер, 2002. 288 с.
2. Барт Р. Фотографическое сообщение // Третий смысл. М. : Ad Marginem, 2015. С. 5–27.
3. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Логика смысла. М. : Академический Проект, 2011. С. 395–421.
4. Джеффрис С. Все, всегда, везде. Как мы стали постмодернистами. М. : Ад Маргинем, 2023. 368 с.
5. Манович Л. Теории *soft-культуры*. Н. Новгород : Красная ласточка, 2017. 208 с.
6. Рзаева Р. О. Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого и вызовов будущего // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 23–29.
7. Bauckhage C. Insights into Internet Memes // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2021. № 5(1). Pp. 42–49. doi: 10.1609/icwsm.v5i1.14097

8. Maclean F., Jones D., Carin-Levy G., Hunter H. M. Understanding Twitter // *British Journal of Occupational Therapy*. 2013. № 76 (6). Pp. 295–298. doi: 10.4276/030802213X13706169933021
9. Milosavljević I. The phenomenon of the internet memes as a manifestation of communication of visual society — research of the most popular and the most common types // *Media Studies and Applied Ethics*. 2020. № 1(1). Pp. 9–27. doi: 10.46630/msae.1.2020.01
10. Vitiuk I., Kovtun N., Polishchuk, O., Fed V. Memes as the Phenomenon of Modern Digital Culture // *Wisdom*. 2020. № 2 (15). Pp. 45–55. doi: 10.24234/wisdom.v15i2.361

References

1. Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow, Ad Marginem, Stalker; 2002. 288 p. (In Russ.).
2. Bart R. Fotograficheskoe soobshhenie [The photographic message]. In: *Tretij smysl*. Moscow: Ad Marginem; 2015. Pp. 5–27. (In Russ.).
3. Delez Zh. Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo [Michel Tournier and World without others]. In: *Logika smysla*. Moscow, Akademicheskij Proekt; 2011. Pp. 395–421. (In Russ.).
4. Dzheffris S. Vse, vseгда, vezde. Kak my stali postmodernistami [Everything, All the Time, Everywhere: How We Became Postmodern]. Moscow, Ad Marginem; 2023. 368 p. (In Russ.).
5. Manovich L. Teorii soft-kul'tury [Theories of the soft-culture]. Nizhnij Novgorod, Krasnaja lastochka; 2017. 208 p. (In Russ.).
6. Rzaeva RO. Konec metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo i vyzovov budushhego [The end of metanarratives in the context of the problems of the past and the challenges of the future]. *Voprosy filosofii*. 2014;(2):23-29. (In Russ.).
7. Bauckhage C. Insights into Internet Memes. In: *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2021;(5(1):42-49. doi: 10.1609/icwsm.v5i1.14097
8. Maclean F, Jones D, Carin-Levy G, Hunter HM. Understanding Twitter. *British Journal of Occupational Therapy*. 2013;(76(6):295-298. doi: 10.4276/030802213X13706169933021
9. Milosavljević I. The phenomenon of the internet memes as a manifestation of communication of visual society — research of the most popular and the most common types. *Media Studies and Applied Ethics*. 2020;1(1):9-27. doi: 10.46630/msae.1.2020.01
10. Vitiuk I, Kovtun N, Polishchuk O, Fed V. Memes as the Phenomenon of Modern Digital Culture. *Wisdom*. 2020;(2(15):45-55. doi: 10.24234/wisdom.v15i2.361

Сведения об авторах

А. А. Дыдров — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

А. С. Варламова — студентка историко-филологического факультета.

Information about the authors

A. A. Dydrov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophical Sciences.

A. S. Varlamova — Student at the Faculty of History and Philology.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.